

К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИЧЕСКИХ ПРЕСУППОЗИЦИЯХ ПРИКАЗОВ И ЗАПРЕТОВ

Во многих лингвистических исследованиях под прагматическими пресуппозициями понимают условия, необходимые для успешной коммуникации. Так, например, Ч. Филлмор пишет: «Под пресуппозициональным аспектом ситуации вербальной коммуникации я подразумеваю те условия, которые должны быть удовлетворены, прежде чем употребляется предложение» [2, с. 120].

Подобной точки зрения придерживается Н.Д. Арутюнова, рассматривая прагматические пресуппозиции как те предпосылки и предварительные условия, которые, не входя в языковое значение высказывания, создают почву для его употребления и позволяют достичь коммуникативной цели. Такими условиями, по мнению исследовательницы, является, например, то, что участники коммуникации понимают друг друга, знают язык, не больны, не шутят и некоторые другие [1]. На наш взгляд, подобные условия слишком очевидны для нормального ведения дискурса, поэтому мы не стали бы называть их пресуппозициями, скорее это само собой разумеющиеся (естественные) условия любого общения, не маркированного какими-либо особыми обстоятельствами.

Э. Кинан в качестве прагматических пресуппозиций рассматривает статус, вид отношений, пол, возраст, отношение поколений среди участвующих в коммуникации индивидов, местонахождение участников речевого акта (далее — РА) и предметов, упоминаемых в предложении, время и т. п.: «Пресуппозиции — это условия, которым должен отвечать мир для того, чтобы высказывание могло быть воспринято в его прямом смысле» [3, с. 49].

Мы склонны рассматривать понятие прагматической пресуппозиции в более узком смысле, принимая во внимание действительно существенные характеристики, создающие почву для нормального употребления и успешного понимания РА. В этом смысле для нас более приемлемым является представление о прагматических пресуппозициях в духе Дж. Серля — Дж. Остина (условия успешности РА).

В данной статье мы ограничимся описанием прагматических пресуппозиций (далее — ПП) инъонктивных РА на русском и итальянском языковом материале (фактический материал получен путем выборки из романа Алессандро Барикко «City» [4] в переводе Е. Дегтярь и В. Петрова [5], а также из личной картотеки автора).

Основным значением инъонктивов является приказ. Под приказом мы понимаем не только обязательное для исполнения официальное распоряжение руководителя или любого другого лица, наделенного какой-либо властью, но и категорическое побуждение к немедленному началу или окончанию конкретного действия при максимальной обязательности исполнения. В случае приказа говорящий занимает авторитарную по отношению к адресату

позицию и, чаще всего, не сомневается, что адресат выполнит (попытается выполнить) каузируемое действие. Прохибитивным коррелятом приказа является запрет, т.е., по сути дела, это отрицательный приказ, запрещающий что-либо ненужное или непозволительное.

В данной статье мы проанализируем прагматические пресуппозиции приказов и запретов, применяя критерий на устранение пресуппозиций по аналогии с подобной манипуляцией применительно к семантическим пресуппозициям.

Рассмотрим пресуппозиции (инъюнктивных РА):

1) Говорящий (Г) хочет или делает вид, что хочет, чтобы слушающий (С) выполнил искомое действие.

Поясним, что «делает вид» имеет место в следующих немногочисленных ситуациях:

а) Г действует не по собственной воле: кто-то попросил его сделать это или этого требуют определенные правила (чаще всего это оправдание, которое снимает ответственность с говорящего и переносится на третье лицо, которое может быть указано);

б) Г преследует какие-то скрытые цели, которые не имеют ничего общего с Приказами и Запретами (Г желает начать разговор сС, увидеть его, услышать его голос и т.п.);

в) Г обращается к С не потому, что сам заинтересован в требуемом действии, а потому, что хочет проверить готовность С выполнить его.

В связи с этими возможными ситуациями нам не кажется уместным называть данную пресуппозицию условием искренности, которое касается всех функциональных типов побудительных РА.

Отмена (по другой терминологии, устранение, погашение) данной пресуппозиции может выглядеть следующим образом:

— *Не включай телевизор! Я ничего не имею против, но отец запретил.*

2) Положение Г по отношению к С является более авторитетным.

Социальный аспект и конвенции, а также сущность требуемого действия, позволяют Г произнести подобный приказ или запрет (собеседники могут находиться в равном социальном положении или же С подчиняется Г; авторитетность может быть психологической или физической; Г предполагает, что С готов или обязан выполнить приказ).

Исключением из правила является категорический приказ, который подчиненный обращает к своему начальнику, чтобы спасти ему жизнь при грозящей опасности, является.

Говорящий может отменить данную пресуппозицию следующим образом:

— *Я знаю, что не имею никакого права запретить тебе это, но ...*

3) Партнер не выполняет и в ближайшее время не собирается выполнять действие, которого добивается от него Г, или, наоборот, партнер выполняет или намерен осуществить действие, которое является предметом запрета.

Данная пресуппозиция имеет смысл только в том случае, если Г действует по собственной воле и знает настоящее положение дел, т.е. он убежден, что собеседник не осуществляет и не собирается осуществлять требуемое действие. Это означает, что тот, кто читает или слышит высказывание *Apri la porta, orologiaio* (297). — *Открой дверь, часовщик* (341), предполагает, что тот, кто его написал или произнес, знает или искренне верит в то, что дверь закрыта, и часовщик не открывает или не собирается открывать ее, иначе этот приказ был бы прагматически бессмысленным. Аналогично, не будет успешным высказывание *Non provarci nemmeno* (110). — *Даже не пытайся* (126), если тот, кому оно адресовано, не имел намерения попытаться выполнить то, что ему запрещают.

Однако это не означает, что высказывания, нарушающие данную пресуппозицию, не могут произноситься. Они возможны в тех ситуациях, когда Г по каким-то причинам хочет вызвать у С раздражение, увидеть его реакцию. В качестве меры предосторожности, Г, не желающий нарушить данную пресуппозицию, может прибавить к побудительному высказыванию: *если ты еще этого не сделал* или *если ты еще не делаешь этого*.

Кроме того, данная пресуппозиция имеет смысл только для приказов или запретов, требующих немедленного исполнения. *Fai vedere la bocca.* (235) — *Покажи рот* (272); *Siediti e respira, forza.* (238) — *Садись и дыши, валяй* (277); *Non urlare.* (164) — *Не ору* (190).

Действительно, если инъюнктивный РА касается будущего действия: *Ребята, завтра обязательно принесите новые учебники!*, то он был бы бессмысленным, если бы Г предполагал, что адресанты уже взяли с собой или сами намереваются принести учебники. Таким же образом, приказ *Attaccalo alla porta, Gould* (110) — *Повесь его (плакат) на дверь, Гульд*, не имеет смысла, если Г знает, что Гульд уже вешает или сам собирается повесить плакат на дверь.

4) С еще не выполнил требуемого действия.

При нормальных условиях общения инъюнктивы типа *Comprami il giornale!* — *Купи мне газету!*, *Bambini, prendete subito la medicina!* — *Дети, выпейте сейчас же лекарство!*, — *Va' sui suoi pugni e poi colpisci. Ripeti.* (67) — *Валяй, суй кулаки (бросайся на его кулаки. — Л.М.) и бей. Повтори.* (74) имеют смысл, только если Г знает, что искомое действие еще не было осуществлено слушающим. Нарушение этой пресуппозиции вызвало бы справедливые реплики: *Я тебе ее уже купила*, *Мы его уже выпили* или *Я уже ударил несколько раз*.

Интересно, что семантическое содержание каждого из приведенных выше высказываний накладывается на прагматическую ситуацию и только с учетом особенностей каждой ситуации актуализируется данная пресуппозиция. Поясним наше утверждение: в первом примере речь идет о действии, которое в нормальном случае выполняется один раз в день (приобретение газеты), но, даже если С выполнил действие вчера или неделю назад, этот факт может не противоречить данной пресуппозиции. Для успешной реализации второй реплики необходимо знать, как часто следует

принимать лекарство: только один раз или, например, шесть раз в день — каждые четыре часа). В последнем случае реплика *Мы его уже выпили пять часов назад* не была бы оправданной. Третий пример интересен тем, что ответ *Я уже ударил* в ситуации на боксерском ринге был бы, по меньшей мере, смешон, так как указания тренера касаются только данного конкретного момента времени и факт многократного осуществления ударов до момента произнесения реплики является само собой разумеющимся.

Возможно устранить пресуппозиции 3) и 4), эксплицировав их:

— *Переведи мне это письмо, если ты еще не сделал это или не делаешь прямо сейчас.*

5) **Г считает или делает вид, что считает, что партнер в состоянии совершить требуемое действие или, наоборот, не выполнять его или прекратить его осуществление.**

Высказывание *Dammi il vocabolario che sta sotto il telefono!* — *Дай мне словарь, который лежит под телефоном!* не может быть успешным, если под телефоном нет никакого словаря, если С не видит телефона, или, еще менее, если телефона вообще нет.

Приказы и запреты, которые нарушают данную пресуппозицию, достаточно частотны и имеют место в тех случаях, когда Г не знает или переоценивает возможности партнера или когда он не отдает себе отчета в том, что в ситуации общения не хватает каких-либо компонентов, в отношении которых формулируется инъюнктивное высказывание. Так, *Mangia con la forchetta, Melania* (137) — *Мелания, возьми вилку и ешь* (157) не имело бы смысла в ситуации отсутствия вилки или если бы Г был уверен, что Мелания не в состоянии есть с помощью вилки. Тем не менее, употребление подобных высказываний может быть оправдано по разным причинам: например, Г хочет поставить С в затруднительное положение, демонстрируя его неловкость, неспособность, незнание в присутствии свидетелей. Кроме того, возможно, Г должен запретить С какое-то действие по моральным или религиозным соображениям (*Non dir eparolacce* (137) — *Не ругайся* (157)), а также просто произнести формальный Запрет лишь для того, чтобы выполнить свой долг, несмотря на то что понимает его бесполезность.

Устранить данную пресуппозицию можно, например, так:

— *Брось курить! Впрочем, я знаю, что у тебя не хватает силы воли.*

б) **Г предполагает, что С отдает себе отчет в негативных последствиях** (наказание, моральный или материальный ущерб), которые наступят в случае неподчинения приказу или запрету. Вербализация таких последствий обычно имеет прагматическую функцию угрозы, мотивирующей инъюнктив: *Mangia con la forchetta o ti ammazzo* (138) — *Ешь вилкой, а не то я убью тебя* (158). Подобное высказывание, включающее более одной интенции, по мнению одних исследователей, является многофункциональным. Отмена данной пресуппозиции видна в следующем примере:

– Хоть вы и не отдаете себе отчета в том, насколько это опасно, не выходите больше на террасу.

Таким образом, если С не хочет подчиняться приказу или запрету, то он может оправдать свое несогласие, оспаривая одну из представленных выше пресуппозиций:

1) — *Ты действительно хочешь, чтобы я это сделал?*

2) — *Ты не можешь мне приказать.*

3), 4) — *Ты что не видишь, что я уже это делаю (сделал)?*

5) — *Мне жаль, но я не в состоянии сделать это.*

6) — *А что если я не сделаю этого?*

Для устранения прагматической пресуппозиции как говорящему, так и слушающему достаточно эксплицировать ее. В первом случае имеет место модификация иллокутивной цели говорящего, тогда как слушающий, эксплицируя пресуппозицию, манифестирует таким образом коммуникативный провал речевого акта говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. – М. – № XIII. – 1982.

2. Fillmore, C. Types of lexical information // Studies in syntax and semantics. – Dordrecht, 1969.

3. Keenan, E. Two kinds of presupposition in natural language // Studies in linguistic semantics. – N. J, 1971.

4. Baricco, A. City. BUR La Scala. – Milano, 2000.

5. Барикко, А. CITY. — С-Пб.: Симпозиум, 2002.